

—

XIII.

Гу Сьюань слегка оттолкнулся носками сапог, и его тело, подобно летящему лебедю, взмыло к вершине боевой платформы.

Когда до верха оставалось около семи-восьми метров, он на мгновение придал себе ускорение, коснувшись ногой боковой части деревянного каркаса, и в следующее мгновение уже стоял на самой вершине высокого помоста. Скорость его движений была запредельной.

Воины Северных земель, выбравшие ту же платформу для захвата, лишь почувствовали, как перед глазами мелькнула черная тень. А уже в следующую секунду ярко-желтое знамя, символизирующее Великую Лян, было твердо водружено на верхушке башни.

Десять северных бойцов сначала остолбенели, а затем начали переглядываться, не веря своим глазам:

— Один? Неужели он действительно один?

— Правда только один?

— Хм, похоже, это наш шанс!

— Ха-ха, в битве за флаги важно не то, кто быстрее залезет, а то, кто сможет удержать позицию!

Предводитель этой десятки воинов хищно оскалился:

— Какая запредельная самонадеянность. Что ж, позвольте мне лично познать мощь этого «первого мастера» Великой Лян.

Во время поединков на помосте они, конечно, находились внизу и прекрасно видели, на что способен Гу Сьюань. Однако каждый из них сам был воином, избранным из сотни лучших. Если один на один они ему не равня, то неужели десять против одного не справятся?

К тому же им вовсе не обязательно было побеждать его в честном бою. Согласно правилам, любой участник, упавший с платформы в ходе битвы за флаги, немедленно выбывал из состязания. В крайнем случае они могли наброситься на него вдесятером, вцепиться в него мертвой хваткой и просто утащить за собой вниз. Даже если все девять будут дисквалифицированы, оставшийся десятый спокойно водрузит их знамя.

Придя к этому решению, они обменялись понимающими взглядами и стремительно бросились на штурм платформы.

Все они были людьми ловкими и тренированными, поэтому вскоре каждый занял свой угол на вершине башни, взяв Гу Сьюаня в плотное кольцо.

Гу Сьюань стоял, заложив руки за спину. Он слегка прищурился, окинув взглядом эту толпу, источающую жажду крови. Раз уж их боевой дух так высок, оставалось надеяться, что они не разочаруют его слишком быстро.

— Вперед! — скомандовал он.

Десять северных воинов одновременно бросились в атаку. Десять потоков сокрушительной силы кулаков, подобно катящимся волнам, накатывали один за другим, чтобы в итоге слиться в единый яростный порыв. Раздался оглушительный гул, похожий на раскат грома. Мощь этого совместного удара была поистине устрашающей, словно произошел взрыв.

Се Сюань, не отрываясь, во все глаза смотрел на помост. Зрители внизу тоже замерли, приковав взоры к вершине башни в ожидании — сумеет ли Гу Сюань выстоять?

В этот миг Гу Сюань пришел в движение. Он слегка переставил правую ногу и чуть повернул корпус. В следующее мгновение зрителям показалось, что на платформе замелькали тени — словно там в один миг появилось сразу десять Гу Сюаней.

Северные воины тут же обнаружили, что их кулаки бьют по пустоте. Удар, который казался верным, провалился. Но в этот хаос движений они уже не могли разобрать, где настоящий противник, а где лишь фантом.

На трибунах поднялся невообразимый шум.

— Это же...

— Это та самая техника передвижения, которую использовал Батур?

— Откуда он её знает?

— Как генерал Гу смог овладеть искусством Батура?

Слушая пересуды окружающих, Се Сюань прищурил свои красивые глаза. Он вспомнил, как во время боя с Батуром Гу Сюань первую половину времени — пока можно было выпить полчашки чая — лишь наблюдал за противником. «Неужели... он украл и выучил эту технику прямо тогда, на лету?» — промелькнуло у него в голове.

А на вершине башни, где кипело сражение, один из северных воинов внезапно вскрикнул от пронзительной боли:

— А-а-а!..

В следующее мгновение он, словно выброшенная из воды рыба, беспомощно полетел назад. Площадка наверху была узкой, и падение означало немедленное поражение. Кольцо окружения было прорвано.

Пока остальные бойцы не успели опомниться, Гу Сюань нанес следующий удар. Один за другим раздавались крики и стоны, и тени воинов градом посыпались с высоты.

Не прошло и минуты, как на платформе снова остался лишь один Гу Сюань.

Десять северных воинов, оказавшись на твердой земле, пребывали в полной прострации. Они переглядывались, не понимая, как всё закончилось так быстро. Десять элитных бойцов были так чисто и легко повержены одним человеком? Они ведь не были простыми стражниками — это были лучшие солдаты, лично отобранные князем, прошедшие через горнило настоящих войн.

Зрители тоже пребывали в легком шоке: всё закончилось слишком стремительно. Однако,

посмотрев на соседние четыре башни, где всё еще велись ожесточенные схватки, они молча подумали: «Дело не в правилах, дело в этом человеке... он — аномалия».

Вскоре после этого поле огласилось громогласными криками:

— Генерал Гу!

— А-а-а! Генерал Гу один одолел десятерых!

— Это и есть «один воин стоит тысячи, и врагу не пройти»!

— Он... он действительно захватил флаг вот так просто!

...

Лицо Гу Сьюаня оставалось бесстрастным. Он бросил короткий взгляд на надежно закрепленное знамя за своей спиной. Заложив руки за спину, он спрыгнул вниз и стремительно направился к другой башне, расположенной вдалеке.

По правилам, упавший в процессе борьбы выбывал навсегда. Однако победители, оставшиеся на ногах после захвата своей башни, имели право идти на помощь товарищам к другим платформам.

Гу Сьюань разделил свои пятьдесят человек относительно равномерно: в его собственной группе был только он один, в трех других — по двенадцать человек, и в последней — тринадцать.

На тех четырех башнях победитель еще не определился. Хотя в бою один на один северяне были чуть сильнее, численное преимущество лянцев сделало схватки изматывающими, и Великая Лян даже начала постепенно брать верх.

Но было одно исключение — та самая башня, к которой спешил Гу Сьюань. На ней изначально было двенадцать лянцев, но к этому моменту восемь из них уже были выбиты. Из десяти северян же выбыло всего четверо. Такой расклад казался невероятным. Причиной тому был Батур: несмотря на рану, полученную в первом раунде, он настоял на участии в битве за флаги. Большинство гвардейцев Лян с этой башни сбросил именно он.

— Отдохните немного, я сам! — раздался холодный мужской голос.

Знакомая высокая фигура молниеносно взлетела снизу на помост. Несколько уцелевших гвардейцев радостно воскликнули:

— Генерал Гу!

Батур, увидев Гу Сьюаня, сначала опешил, но затем быстро всё осознал. Он прищурился:

— Похоже, в нашем первом поединке ты совсем не использовал полную силу.

Уголок губ Гу Сьюаня слегка приподнялся. В следующее мгновение его ледяное спокойствие сменилось стремительной атакой — он начал действовать без малейшей пощады. Этот резкий контраст в его облике снова вызвал волну восторженных криков на трибунах.

Се Сюань, прижав руку к бешено колотящемуся сердцу, пренебрежительно надул губы: «Дерешься — так дерись, зачем улыбаться? Точно делает это специально, хочет свести кого-то

с ума...»

Вскоре ситуация на этой платформе в корне изменилась. Батур снова рухнул вниз после первого же точного удара Гу Сьюаня. Остальные северные воины не стали исключением — как бы они ни сопротивлялись, никто не мог выстоять против его кулака. Флаг на этой башне также перешел к Великой Лян.

Оставшиеся на платформе гвардейцы чувствовали легкую досаду из-за собственной беспомощности, но победа была превыше всего.

В это же время подспели результаты от группы из тринадцати человек. Хотя северяне были чуть сильнее каждого из них по отдельности, перевес в три человека оказался решающим. Гвардейцы потеряли девятых, но в итоге вырвали победу. Командир группы водрузил знамя Великой Лян на вершину башни!

Три башни из пяти.

Победа!

Подданные Великой Лян взорвались ликующими криками! Мы победили! Последний раунд за нами! А значит, и во всей встрече общая победа досталась Великой Лян.

Гу Сьюань с суровым лицом вывел участников состязаний на середину поля. С самого начала и до конца выражение его лица почти не менялось, словно его ничего не заботило. Но чем больше он проявлял это равнодушие, тем сильнее сердца людей тянулись к нему.

Князь Северных земель смотрел на Гу Сьюаня, не в силах отвести взгляд:

— Завидую я вам, Ваше Величество. Иметь такого могучего полководца — истинная удача.

Император Цзяньчжао, временно отбросив тревоги, громко рассмеялся:

— Я и сам им искренне горжусь.

Дипломатическая встреча подошла к концу, когда наступили сумерки. Места здесь были лесистые, и стражники уже вовсю свозили добычу, подстреленную в окрестностях. Император приказал всем немного отдохнуть, а затем устроить пир у костра прямо на месте.

За выдающиеся заслуги в этот день Гу Сьюань был щедро вознагражден. Более того, император даровал ему несколько дней отпуска и освободил от ночного дежурства. Гу Сьюань принял указ и награды.

Повернув к своей палатке, он столкнулся с группой людей, тоже возвращавшихся на отдых — это были принцы.

— Генерал Гу сегодня был в центре внимания, я искренне восхищен, — раздался ленивый, чистый голос.

Гу Сьюань поднял взгляд на Се Сюаня и холодно ответил:

— Однако я не заметил, чтобы у Шестого принца весь день было довольное лицо. Полагаю, сейчас вы лукавите.

Услышав это, остальные три принца не выдержали и прыснули со смеху. Даже их хитрый и

изворотливый шестой брат, как бы он ни важничал, в спорах с Гу Сюнем не мог одержать верх.

— ... — Се Сюань лишился дара речи.

Пусть всё это и было притворством, но разве у него нет гордости? Он стиснул зубы и процедил:

— Генерал Гу, должно быть, заблуждается на мой счет. Почему бы нам не пройти в мой шатер и за чашкой чая не разрешить это недоразумение?

Гу Сьюань покачал головой:

— В этом нет нужды. Я крайне утомлен, и Его Величество уже позволил мне удалиться на отдых.

— ... — Се Сюань уставился на него своими влажными глазами.

«Смотри, не пожалей потом». Он весь день наблюдал за героическим обликом Гу Сьюаня и теперь едва сдерживался — так ему хотелось объятий и поцелуев.

Другие принцы, видя это, тут же принялись притворно увещевать Се Сюаня:

— Шестой брат, мы знаем, что ты не ладишь с генералом Гу, но сегодня он совершил великий подвиг. Даже если хочешь придраться к нему, выбери другой день...

Гу Сьюань холодно кивнул. Се Сюань проигнорировал братьев и надменно бросил:

— Гу Сюнь, я желаю видеть тебя, и ты смеешь отказывать? Скоро наступит час Сюй (19:00-21:00) и начнется пир. Тебе лучше заглянуть в мой шатер до этого времени.

Сказав это, он дерзко взмахнул рукавами и удалился. Се Хуань, глядя ему в след, вздохнул:

— Характер у шестого брата... Генералу Гу теперь несладко придется, хоть он и герой дня.

Ледяной взгляд Гу Сьюаня скользнул по его лицу:

— Позвольте откланяться.

— ... — Се Хуань замер.

«Этот парень совершенно не умеет общаться с людьми. Даже парой вежливых фраз не перебрался. Я ведь принц! Неудивительно, что Се Сюань его терпеть не может. Хм, когда я взойду на престол, точно не стану держать при себе таких заносчивых подданных».

Гу Сьюань, разумеется, не знал, какие бредни крутятся в голове Се Хуаня. Он лишь вспоминал тот горячий, жадный взгляд, которым Се Сюань провожал его во время боя, и его прямое приглашение в шатер.

Он подумал: «Два месяца воздержания прошли, ждать больше нельзя, иначе мы оба с ума сойдем».

При свете дня тот уже почти перестал скрываться.

Вернувшись в свою палатку, Гу Сьюань первым делом скинул легкий доспех. Хотя бой с северянами не отнял много сил, пыль и пот всё же давали о себе знать. Он быстро

ополоснулся, переделся в легкие одежды и собрался выйти.

Соседний офицер как раз возвращался и с любопытством спросил:

— Сьюань, ты же сегодня свободен от службы, куда это ты?

— Любоваться луной, — бросил тот мимоходом.

Офицер опешил и моргнул. Сложно было представить, что этот «человек-ледышка» склонен к таким романтическим порывам. Прошло немало времени, прежде чем он поднял взгляд на темно-синее небо, где едва виднелся тонкий серп растущей луны, и пробормотал:

— Странно... сегодня же второе число восьмого месяца, какой луной тут любоваться? До Праздника середины осени еще больше десяти дней...

Откуда одинокому человеку знать? Любоваться можно не только луной в небе, но и той «луной», что живет в сердце.

Благодаря своему мастерству и недавно изученной технике легкости, Гу Сьюань проник в шатер Шестого принца, миновав посты охраны даже проще, чем обычно.

Се Сюань сидел на ложе, скрестив ноги, и обмахивался веером. Увидев гостя, он надул губы:

— Я же сказал, что хочу тебя видеть, почему ты так долго?

Гу Сьюань не стал обращать внимания на его привычные капризы. Подойдя ближе, он легонько ущипнул его за щеку и тихо спросил:

— Угадай, почему?

Се Сюань внезапно бросился ему на шею, повиснув на его широкой груди. Наконец-то он мог его обнять! Он мечтал об этом весь день. Уткнувшись лицом в изгиб плеча и вдыхая свежий запах воды и мыла, Се Сюань хихикнул:

— Так вот почему... генерал Гу бегал домой мыться и переодеваться. Неужели... ты хочешь, чтобы я сегодня тебя «осчастливил»?

Гу Сьюань поднял глаза и молча посмотрел на него. В этом молчании бушевали нешуточные страсти.

— ... — Се Сюань смутился.

«Что это за взгляд? Ты что, сомневаешься в моих способностях?»

Разозлившись, он яростно впился в его тонкие губы поцелуем.

Гу Сьюань не ожидал такой спешки от маленького принца, но, раз уж тот уже был в его объятиях, отступить не собирался. Он мгновенно перехватил инициативу. Начался грубый, почти хищный захват: его губы и язык действовали властно, а ладони крепко сжали тонкую, гибкую талию принца.

Прошло немало времени, прежде чем они сменили позу. Теперь Се Сюань лежал на ложе, а Гу Сьюань, всё еще в аккуратной одежде, стоял рядом, склонившись над ним и покрывая его лицо поцелуями: лоб, кончик носа и, наконец, распухшие от ласк губы. Снаружи шатра разливался

бледный лунный свет, внутри дрожало пламя двух желтоватых свечей. Их тени на занавесях слились воедино.

И в этот самый момент снаружи грохнули барабаны и зашумели гонги — начался праздник. Но влюбленные не обратили на это внимания. В такие моменты, даже если мир рухнет, какое дело до этого двум «диким уточкам-мандаринкам», занятым друг другом?

Но в следующую секунду у входа раздался знакомый высокий, визгливый голос. Это был Ван Чэньин, главный евнух при императоре:

— Шестой принц! Пир начался, только вас и ждут! Его Величество уже несколько раз спрашивал, послал старого раба пригласить вас!

Двум «пороссятам», увлеченно грызущим друг друга, пришлось нехотя поднять головы.

Се Сюань:.....

Гу Сьюань:.....

Спустя несколько мгновений Се Сюань, молниеносно сменив одежду и поправив венец, вышел из шатра. Гу Сьюань остался сидеть на ложе. Глядя на своего «младшего брата», который всё еще пребывал в крайнем возбуждении, он впервые в жизни почувствовал себя несчастным.

«Тц, становится холодно... Пожалуй, императору Цзяньчжао пора на покой».

Немного успокоившись, он вспомнил слова евнуха и почуял неладное в поведении императора. Бесшумно, словно тень, он выскользнул вслед за принцем.

Когда Се Сюань занял свое место, он, как и ожидалось, встретил ядовитые замечания братьев о своей дерзости и заносчивости. Но он был настолько неудовлетворен, что у него не было сил даже огрызнуться. Он лениво откинулся в кресле и мелкими глотками попивал вино.

Гу Сьюань, устроившись в кроне огромного дерева рядом с местом пиршества, наблюдал за его красными губами, блестящими от влаги, и думал: «Интересно, сладкое ли вино? Надо будет потом попробовать...»

Пир продолжался недолго, когда люди северного князя вкатили повозку с железной клеткой, накрытой черной тканью. Император с любопытством спросил:

— Что это?

Князь Севера расхохотался:

— Прошлой зимой в горах было много снега. Видимо, этот зверь сильно проголодался и спустился в деревни у подножия. Пострадало около ста человек. Я лично возглавил погоню и поймал его. Хотел преподнести в дар Вашему Величеству. В дороге он немного ослаб, но за последние дни окреп и сегодня, почуяв дух леса, окончательно пришел в себя.

С этими словами он сорвал ткань. Раздались испуганные возгласы. В клетке сидел царь зверей — тигр. Он был в два раза крупнее тех, что водились в Центральных равнинах, его лапы и туловище были мощными и массивными. На усах еще виднелись остатки свежего мяса, а его золотистые глаза вращались с неопишуемой яростью. От него исходила такая жажда убийства, что многие слабонервные задрожали.

Однако императору подарок явно пришелся по душе. Несколько смельчаков даже подошли ближе, чтобы полюбоваться зверем и покормить его.

Се Сюань, вертя в руках чашу из черного фарфора, на фоне которого его пальцы казались прозрачными, как нефрит, лениво заметил:

— Зимой в такой шкуре, должно быть, очень тепло?

Сидевший рядом Се Хуань покосился на него. В следующий миг, словно услышав эти слова, тигр внезапно повернулся в сторону Се Сюаня и, широко разинув окровавленную пасть, издал яростный рык.

—

<http://bllate.org/book/14483/1281630>